

Си-фэй достала из шкафа карту Башу, разложила её на восьмиместном столе, затем выложила перед первым принцем переписанные материалы и принялась за переубеждение. А Лу Цзыяо прятался во внутренних покоях, бесшумно слушая происходящее. Си-фэй держалась превосходно: когда она вздыхала о тяготах простого народа, в её голосе звучала искренняя боль, а её слова о том, что она не желает остаться в истории проклятой навеки, трогали до глубины души. Затем она умело пересказала анализ Лу Цзыяо о сложностях строительства Шуского тракта, подкрепляя речь историческими фактами — всё звучало убедительно и обоснованно. Первый принц молча выслушал си-фэй, никак не реагируя, а окончив слушать, медленно поднялся и произнёс низким голосом:

— Чай допит, мне пора откланяться. Благодарю за приём, матушка-наложница.

— Ваше высочество! — на лице си-фэй тут же отобразилось разочарование. Хотя она и предполагала, что первый принц не станет вмешиваться в чужие дела, но не ждала, что он даже не изволит высказать своё мнение. Он просто не хочет ввязываться или считает её слова преувеличенными страхами?

— Все эти исторические сведения истинны! — си-фэй схватила со стола бумаги, шагнула вперёд и развернула их перед первым принцем. — Всем известно, что вы печётесь о благе народа, потому я, пренебрегши приличиями, и обратилась к вам за помощью! Император обещал через пять лет взять меня в поездку по Башу, но посмотрите на эти записи: за сотни лет удалось проложить всего два опасных пути через горы! Сколько же повинного люда сгинет за какие-то пять лет! Я низкого происхождения и знаю, что Императрица меня не жалует, однако я верила, что вы не станете из-за личной неприязни закрывать глаза на страдания людей, потому и...

— Осмелюсь сказать прямо, матушка-наложница, — первый принц с холодным лицом посмотрел на си-фэй. — Не думаю, что все эти предположения о строительстве Шуского тракта — лишь плод вашего личного воображения. Если советник, стоящий за вашей спиной, рассчитывает с моей помощью избавить вас от беды, ему следовало проявить хоть немного искренности и прийти на разговор лично. Неужели он полагал, что пары сбивчивых фраз достаточно, чтобы я пошёл наперекор отцу-императору? Я не понимаю: ваш советник переоценил мой вес в глазах государя или посчитал меня дураком?

От этих слов си-фэй побледнела.

А вот у Лу Цзыяо, прятавшегося во внутренних покоях, лицо вспыхнуло.

Какого черта первый принц в таком юном возрасте столь проницателен и хитер!

В оригинальном романе он ведь был прямолинейным, верным и преданным народу!

Лу Цзыяо, похоже, читал какой-то поддельный роман.

Ну всё, конец. Если первый принц не согласится выступить, делу не дать ход.

Из внешнего зала внезапно донеслось сдавленное всхлипывание си-фэй.

От таких надрывных, цепляющих за душу всхлипов любой невольно проникся бы сочувствием. Стоило Лу Цзыяо услышать их, как в его голове сама собой возникла картина: си-фэй в слезах, прекрасная и трогательная, словно мокрая от дождя груша.

— Вы правы... — боязливо всхлипнула си-фэй. — Мне действительно подсказал мудрый

человек, открыв глаза на то, что эта поездка — настоящая огненная ловушка для меня и моего сына. Я лишь ничтожная танцовщица, моей жизни не жалко... Но мне жаль Седьмого: он ещё так мал, а из-за такой никчёмной матушки-наложницы ему придётся терпеть людское презрение! Сердце разрывалось от боли, вот я и осмелилась обратиться к вашему высочеству... У меня и в мыслях не было вредить вам! Вы вовсе не обязаны лезть из-за нас в эту мутную воду. Благодарю вас от имени Седьмого за вашу доброту к нему и прошу простить за сегодняшнюю глупость.

С этими словами си-фэй поклонилась первому принцу, давая понять, что провожает его.

Однако первый принц не сдвинулся с места. Высокий и статный, он слегонца нахмурился и уставился на си-фэй острыми фениксовыми глазами.

Слова «Седьмому придётся терпеть людское презрение» случайно задела его за живое.

Помолчав немного, он тихо произнёс:

— Вы обратились не к тому человеку, матушка-наложница. Сведения из хроник, что вы показали, дают лишь почву для догадок. Они даже меня не убедили, так как же ими убедить отца-императора? Раз уж вам помогал мудрый человек, он должен был объяснить истинный замысел отца-императора относительно Шуского тракта. Неужели вы думаете, что кучка исторических записей остановит священную волю? Даже если я, рискуя жизнью, подам прошение за вас с сыном, в этом не будет никакого толку.

Си-фэй подняла взгляд на первого принца:

— К кому же мне тогда обратиться?

Первый принц едва не усмехнулся. Женщина была настолько наивна и доверчива, что становилось очевидно: плести против него заговоры она точно не планировала.

Склонив взор и ненадолго задумавшись, он сказал:

— Найдите людей из Астрономического управления. Пусть они ночью изучат небесные знаки и предвещают бедствие. Запустите в народе слухи, чтобы они дошли до двора, а предсказания Астрономического управления сбылись. Тогда у этого дела может появиться шанс. Вы должны уяснить одно, матушка-наложница: остановить отца-императора способны не сухие исторические выкладки, а лишь Воля Небес.

У прятавшегося во внутренних покоях Лу Цзыяо вспыхнули глаза!

Блестяще! Он же совсем забыл про главную слабость древних правителей — суеверие!

Первый принц — настоящий гений Великой Ци! Стоило ему раскинуть мозгами, как он сразу попал в самую точку. Как такой крутой человек мог провалить реформы?!

В оригинальном романе точно все наврали!

Выслушав совет первого принца, си-фэй затрепетала от волнения, а на её лице радость сменялась печалью.

Хотя она понимала, что этот способ куда надёжнее попыток увещевать Императора историческими записями, осознав суть, она расстроилась ещё сильнее.

Первый принц сыграл с ней злую шутку. Си-фэй с омрачённым лицом тихо промолвила:

— Ваше высочество говорит дело, но как я, наложница из заднего дворца, смогу обратиться к чиновникам из Астрономического управления? Мало того что они со мной и разговаривать не станут, я даже увидаться с ними не смогу.

Первый принц задумался и опустил глаза, храня молчание.

Си-фэй поспешно взяла себя в руки и, с трудом выдав улыбку, проговорила:

— Благодарю ваше высочество за искренний совет. Досадно лишь, что я беспомощна, и остаётся полагаться на волю судьбы.

Первый принц поднял на неё взгляд и после краткой паузы произнёс тихим голосом:

— Если матушка-наложница верит мне, с этой минуты ни к кому больше не обращайтесь за помощью. Сохраняйте спокойствие и ждите указа, не усложняйте дело. Если в ближайшие дни услышите, что я ввязался в неприятности, держитесь от этого подальше и не пытайтесь заступиться за меня.

Си-фэй ахнула, её персиковые глаза изумлённо расширились. Поняв, что первый принц решил заступиться за неё, она от растроганности чуть не расплакалась и уже присела в глубоком поклоне.

— Не стоит церемоний, — первый принц слегка приподнял её за локоть и тихо добавил: — Я ухожу. Считайте, что меня здесь не было.

Спустя некоторое время после ухода первого принца Лу Цзыяо тихо выбрался из внутренних покоев.

Си-фэй сидела у восьмиместного стола и молча утирала слезы.

Лу Цзыяо справился с радостным возбуждением и тихо спросил:

— Отчего вы так печалитесь, матушка-наложница? Первый принц ведь согласился нам помочь.

Си-фэй глубоко вздохнула, повернулась к Лу Цзыяо и сквозь слёзы улыбнулась:

— Я просто слишком рада... Всё это время сердце было не на месте, и вот впервые я почувствовала облегчение.

Только тогда Лу Цзыяо перевёл дух и с воодушевлением вымолвил:

— Первый принц действительно нашёл выход! Намного лучше продумал, чем я!

Си-фэй закивала, её взгляд был полон зависти:

— Он поистине показал мне, каков из себя истинный правитель: успешен и в науках, и в военном деле, смыслён, да ещё и собой хорош. Будь у меня столь надёжный сын, мне, пожалуй, и не пришлось бы самой бороться за милость Императора... Даже не знаю, как Императрица сумела воспитать такого сына...

Вспомнив о собственном дитяти, которое только и делает, что ест да спит, и взглянув на чужого сына, си-фэй от зависти вновь едва не разрыдалась.

Лу Цзыяо оставалось лишь неловко улыбнуться, а про себя он подумал: «Вот увидишь, какими методами твоё чадо овладеет, когда вырастет, — тогда-то и узнаешь, что такое ум, хитрость и стратегия!»

В гареме императора Линьяня у вас, матушка-наложница си-фэй, самый продуктивный живот!

Родили сына, который один стоит целой армии!

А полнота седьмого принца — дело временное, у красавчиков тоже бывает переходный возраст. Взглянуть хоть на ваши гены — унывать абсолютно незачем!

Седьмой принц сам по себе вундеркинд, да к тому же из-за специфического эмоционального расстройства лишён эмпатии и острого самовосприятия, отчего анализирует вещи со всей холодной объективностью и широтой взгляда. Благодаря этому он всегда способен превзойти человеческие слабости и извлечь максимальную выгоду для своей стороны.

Разумеется, из-за чрезмерной хладнокровности и объективности князь Нин в оригинальном романе был лишён человечности. Он воспринимал людей исключительно как пешек на доске: если фигура мешала высшей цели, её жертвовали без тени сожаления. Именно поэтому за ним закрепилась репутация жестокого и хладнокровного правителя.

Как говорится, у всего есть свои плюсы и минусы.

Ближе к финалу оригинального романа было описание повседневной жизни князя Нина, которое Лу Цзыяо запомнил особенно чётко.

К тому моменту князь Нин уже разгромил вокоу, развил морскую торговлю, и Великая Ци вступила в эпоху своего наивысшего расцвета.

Посреди этой пышной эпохи процветания, мира и благоденствия во дворце праздновали день рождения си-фэй, ставшей к тому времени вдовствующей императрицей.

Эта сцена задумывалась перед самой развязкой, дабы показать публике счастливую и беззаботную жизнь героя в стиле Лун Аотяня. Однако в романе си-фэй осталась недовольна тем, насколько формально и чисто символически сын поздравил её.

Она спросила у Императора:

— Ваше величество, чего вам ещё не хватает? У вас ведь есть абсолютно всё.

Император не понял её намёка и ответил, что ни в чём не испытывает нужды.

Тогда си-фэй с искренней горечью сказала, что сперва верила, будто Ваше величество обретёт радость, сокрушив клику тун-фэй, затем надеялась, что он обретёт счастье, когда укрепит власть при дворе, а позже думала, что радость принесёт победа над вокоу... Но она так и не дождалась того дня, когда её сын станет по-настоящему счастливым.